

1. Грабители

Прошлым летом, незадолго до отъезда моего сына в колледж, жена разбудила меня среди ночи.

Поначалу я решил, что она трясет меня из-за грабителей. С тех пор как мы переехали за город, у жены появилась привычка вскакивать от малейшего шума или шороха. Каждый раз я пытаюсь ее успокоить. Говорю, что это радиаторы, балки сужаются или расширяются, лисы. Да, лисы, говорит она, которые уносят наш ноутбук, лисы, которые забирают ключи от машины, а потом мы лежим и прислушиваемся. С моей стороны кровати установлена «тревожная кнопка», но я никогда бы ее не нажал, чтобы не потревожить кого-нибудь — скажем к примеру, грабителя.

Я не очень-то смелый человек, и фигура у меня не внушительная, но именно в ту ночь я взглянул на часы — было несколько минут пятого, — вздохнул, зевнул и полпелся вниз. Переступив через нашего бесполезного пса, я обследовал по очереди все комнаты, проверил окна и двери, после чего снова поднялся по лестнице.

— Все в порядке, — сказал я. — Вероятно, воздух в трубах.

— Ты о чем? — спросила Конни, сев в постели.

— Все в порядке. Никаких грабителей.

— Я ни слова не сказала о *грабителях*. Я сказала, что, наверное, наш брак себя изжил. Дуглас, наверное, я хочу тебя оставить.

Я остался сидеть на краю кровати.

— Хорошо хотя бы, что речь не о грабителях, — отозвался я, но никто из нас не улыбнулся, и в ту ночь мы больше не заснули.

2. Дуглас Тимоти Петерсен

Наш сын Алби покинет в октябре отчий дом, и сразу вслед за ним уйдет моя жена. Оба этих события оказались так тесно связаны, что я невольно подумал: если бы Алби провалил экзамены и ему предстояла вторая попытка, наш брак продержался бы еще один хороший год.

Но прежде чем я опишу эти и другие события, случившиеся в то конкретное лето, мне следует рассказать немного о себе, нарисовать что-то вроде словесного портрета. Много времени это не займет. Зовут меня Дуглас Петерсен, и мне пятьдесят четыре года. Обратили внимание на интригующее «е» в последнем слове моей фамилии? Как мне говорили, это наследство от скандинавского прошлого, от какого-то прадеда, хотя лично я никогда не бывал в Скандинавии и ничего интересного не могу о ней рассказать. Традиционно считается, что скандинавы — белокурые, красивые, сердечные и незакомплексованные люди, но ни одно из этих определений ко мне не подходит. Я англичанин. Мои родители, ныне покойные, воспитали меня в Ипсуиче; отец — врач, мама — учительница биологии. «Дуглас» — это их ностальгическая любовь к Дугласу Фэрбенксу, голливудскому идолу, поэтому здесь еще одна неувязка. В течение многих лет соверша-

лись попытки называть меня Даг, или Даги, или Дуги. Но сестра Карен, самозваная обладательница неповторимой «индивидуальности» Петерсенов, зовет меня Ди, Большой Ди или Профессор Ди — последнее, по ее утверждению, будет моей кличкой в тюрьме, — но ни одно из этих прозвищ ко мне не прилипло, и я остаюсь Дугласом. Мое второе имя, кстати, Тимоти, что тоже ни у кого не вызывает особых восторгов. Дуглас Тимоти Петерсен. По образованию я биохимик.

Внешность. Моя жена, когда мы только познакомились и без конца обсуждали наши лица и черты характера, что нам *нравилось* друг в друге и прочую ерунду, однажды сказала, что у меня «очень приятное лицо», но, увидев мое разочарование, поспешно добавила, что у меня «добрые глаза», что бы это ни значило. И то правда, у меня приятное лицо и глаза, которые можно назвать добрыми, но еще и темно-карими, некрупный нос и улыбка, заставляющая выбрасывать мои фотографии. Что еще можно добавить? Как-то раз, на званом вечере, заговорили о том, «кто сыграл бы тебя в фильме о твоей жизни?». Много веселились и смеялись, предлагая различных кинозвезд и телевизионных деятелей. Мою жену сравнили с одной малоизвестной европейской актрисой, и хотя Конни протестовала — «она слишком красивая и гламурная» и тому подобное, — я видел, что ей было приятно. Игра продолжалась, но когда очередь дошла до меня, наступила тишина. Гости потягивали вино и постукивали пальцами по подбородку. Мы вдруг все стали прислушиваться к тихо звучащей музыке. Оказалось, что я не похож ни на одну знаменитость или выдающуюся личность во всей мировой истории, наверное, это означало, что я либо уникален, либо прямо противоположное. «Кому сыра?» — подал голос хозяин, и мы все быстро переключились на относи-

тельные достоинства Корсики по сравнению с Сардинией или что-то в этом роде.

Вот так. Мне пятьдесят четыре — кажется, я уже говорил? — у меня один сын, Алби, по прозвищу Эгг, которому я предан, но иногда он смотрит на меня с явным презрением, наполняя мою душу такой печалью и сожалением, что я едва могу говорить.

В общем, это маленькая семья, несколько куца, и, как мне кажется, каждый из нас временами сознает, что она слишком малочисленна, и жалеет, что нет еще кого-то, кто мог бы принять на себя часть ударов. У нас с Конни была также дочь, Джейн, но она умерла вскоре после рождения.

3. Парабола

Существует, как я полагаю, общее мнение, что мужчин до определенного момента возраст только красит. Если так, то я уже начинаю свой спуск по этой параболе. «Увлажняй кожу!» — часто повторяла Конни в начале нашего знакомства, но я скорее сделал бы татуировку на шее, чем стал применять увлажняющие средства, а в результате цвет лица у меня теперь, как у Джаббы Хатта¹. Уже несколько лет, как я выгляжу глупо в футболках, но, заботясь о здоровье, стараюсь держать форму. Я тщательно слежу за своим питанием, чтобы избежать участи отца, который умер от сердечного приступа раньше, чем следовало бы. Сердце у него, «по существу, взорвалось», как сказал его доктор — с неуместным удовольствием, как мне показалось, — а в результате я периодически совершаю застенчивые про-

1 *Джабба Хатт* — вымышленный персонаж киносаги «Звездные войны». — *Здесь и далее прим. перев.*

бежки, во время которых не совсем понимаю, что делать с руками. Держать за спиной, наверное. Когда-то я с удовольствием играл в бадминтон с Конни, хотя она любила похихикать и подурачиться, находя игру «немного глупой». Обычное предубеждение. Бадминтону не хватает чванливого самодовольства сквоша, в который предпочитают играть молодые бизнесмены, или романтизма тенниса, но он остается самым популярным в мире ракеточным видом спортом, и играют в него спортсмены мирового уровня с инстинктами убийцы. «Воланчик может развивать скорость до двухсот двадцати миль в час, — не раз говорил я Конни, когда она стояла у сетки, согнувшись пополам. — Перестань хохотать!» — «Но у него же *перья*, — отвечала она, — и мне неловко ударять по этой штучке с перьями. Все равно что пытаться прибить зяблика». И она снова заливалась смехом.

Что еще? На мое пятидесятилетие Конни подарила мне красивый гоночный велосипед, на котором я иногда катаюсь по тенистым улицам, наслаждаясь гармонией природы и представляя, что сотворит с моим телом столкновение с грузовиком. На пятьдесят один год — это был костюм для бега, на пятьдесят два — маленький триммер для обработки ушей и ноздрей, предмет, который до сих пор ужасает и зачаровывает меня своей способностью глубоко жужжать в моем черепе, словно крошечная газонокосилка. Подтекст у всех этих подарков один и тот же: не останавливайся, старайся не стареть, не воспринимай жизнь как само собой разумеющееся.

Тем не менее факт есть факт — я достиг среднего возраста. Носки я теперь надеваю сидя, хожу в туалет по ночам и с прискорбием представляю свою предстательную железу как грецкий орех, зажатый между ягодицами. Мне всегда внушали, что старение — медленный, постепенный

процесс, этакое сползание ледника. Теперь-то я понимаю, что все происходит мгновенно, как снег падает с крыши.

По контрасту моя жена в свои пятьдесят два года кажется мне такой же привлекательной, как в тот день, когда я впервые увидел ее. Если бы я произнес это вслух, она сказала бы: «Дуглас, это всего лишь слова. Никому не нравятся морщины, никому не нравится седина». На что я ответил бы: «Но ни то ни другое не явилось для меня неожиданностью. Я с самого начала предполагал, что ты будешь стареть у меня на глазах. Так почему это должно меня тревожить? Я люблю само лицо, а не лицо в двадцать восемь, тридцать четыре или сорок три. Само лицо».

Возможно, ей понравилось бы услышать все это, но я так и не решился произнести свои мысли вслух. Я всегда полагал, что еще успею, и вот теперь, сидя на краю кровати в четыре часа утра и больше не прислушиваясь к передвижениям грабителей, я понял, что, должно быть, опоздал.

— И давно ты?..

— Не очень.

— Так когда ты?..

— Не знаю. Не сразу. Во всяком случае, пока Алби не уедет учиться. В конце лета. Осенью, когда начнется учебный год?

И под конец:

— Могу я узнать почему?

4. До и после

Чтобы вопрос и в конечном счете ответ имели смысл, придется кое-что пояснить. Инстинктивно я чувствую, что мою жизнь можно разделить на два четких периода:

До Конни и После Конни, и прежде чем я начну подробно описывать, что произошло тем летом, наверное, стоит рассказать, как мы познакомились. Как-никак это история любви. Любовь определенно в ней присутствует.

5. Слово с буквы «о»

«Одиночество» — проблемное слово, такими словами легко не бросаются. Оно вызывает у людей чувство дискомфорта, за ним тянутся всевозможные неприятные прилагательные, как «печальный» или «потерянный». Ко мне всегда относились с симпатией, как мне кажется, с большим уважением, но иметь мало врагов — это не то же самое, что иметь много друзей, я не стану отрицать, что в то время я был если не «одинок», то, во всяком случае, сам по себе, вопреки всем моим надеждам.

Для большинства людей годы их молодости, от двадцати до тридцати, являются пиком общительности, когда они отправляются в реальный мир, полный приключений, строят карьеру, ведут активную и интересную общественную жизнь, влюбляются, погружаются в секс и наркотики. Я видел, что все это происходило вокруг меня. Я знал о ночных клубах и художественных галереях, концертах и демонстрациях; я видел чужое похмелье, одну и ту же одежду, в которой приходили на работу несколько дней подряд, поцелуи в метро и слезы в столовой, но я наблюдал за всем этим словно через армированное стекло. Я имею в виду конец восьмидесятых, которые, несмотря на все несчастья и беспорядки, казались мне довольно интересным периодом. Рушились стены, в буквальном и фигуральном смысле менялись политические лица. Я бы не стал называть это революцией или описывать

как новый рассвет — в Европе и на Ближнем Востоке шли войны, наблюдались беспорядки и экономическая нестабильность, — но, по крайней мере, чувствовалась непредсказуемость, ветер перемен. Помню, как много я читал в цветных приложениях о Втором лете любви¹. Для Первого я был слишком юным, а во времена Второго я как раз завершал диссертацию о взаимодействии РНК и протеина и сворачивании протеина во время преобразования. «Единственная кислота² в этом доме, — любил я повторять в лаборатории, — дезоксирибонуклеиновая». Эта шутка так и осталась недооцененной.

В общем, десятилетие подходило к концу, события происходили, но почему-то не здесь и не со мной, так что я на секунду задумался, не пора ли и в моей жизни чему-то поменяться и как мне этого добиться.

6. *Drosophila melanogaster*³

Берлинская стена все еще стояла, когда я переехал в Балхем. К тридцати годам я был биохимиком, доктором наук, и жил в маленькой полумеблированной, заложенной и перезаложенной квартирке недалеко от Хай-роуд, целиком поглощенный работой и прорехой в бюджете. Будни и большую часть выходных я изучал обычную плодovou мушку, дрозофилу меланогастер, для моей первой работы после диссертации. То были чудесные времена в изучении дрозофилы, когда мы разрабатывали инструменты для расшифровки и манипуляции геномов, а в моей про-

- 1 *Второе лето любви* — название, данное периоду 1988–1989 гг. в Великобритании, когда резко повысилась популярность музыки эйсид-хаус и рейвов с употреблением экстази.
- 2 Кислотой называют наркотик ЛСД.
- 3 Дрозофила чернoбрюхая.

фессиональной, пусть не в личной жизни это был своеобразный золотой период.

Теперь я редко вижу плодовую мушку за пределами фруктовой вазы. В настоящее время я работаю в частном коммерческом секторе — «корпорации зла», как называет его мой сын, — отвечаю за исследование и развитие; звучит довольно помпезно, но, по сути, означает, что мне больше неведомы свобода и восторг фундаментальной науки. Сейчас я занимаюсь организационными, стратегическими и тому подобными вопросами. Мы финансируем университетские исследования, соединяя академический опыт, новшества и энтузиазм, но при этом следя за тем, чтобы наука имела практическое применение. Мне нравится моя работа, я хорошо с ней справляюсь, я по-прежнему посещаю лаборатории, но лишь затем, чтобы координировать и управлять молодыми людьми, выполняющими ту работу, которой когда-то занимался я. И я во все не какой-то корпоративный монстр; я знаю свое дело, достиг в нем успеха и обеспечил себе надежный тыл. Но теперь наука не вызывает во мне былого интереса.

Потому что когда работаешь, не замечая времени, с небольшой командой преданных делу, увлеченных людей, это действительно захватывает. В то время наука меня околдовывала, вдохновляла, была хлебом насущным. Через двадцать лет наши эксперименты с плодовой мушкой могли бы привести к медицинским открытиям, которые нам трудно было даже представить, но в то время нас подталкивала вперед другая мотивация — чистое любопытство, чувство игры. Нам было просто здорово, и я без преувеличения могу сказать, что любил свой предмет.

Я не говорю, что при этом не приходилось много заниматься тяжелой рутинной работой; компьютеры тогда были капризные и примитивные, чуть лучше огромных калькуляторов и очень маломощные (современный теле-

фон у меня в кармане гораздо мощнее), а ввод данных был утомительным, трудоемким процессом. И хотя обычная плодовая мушка имеет много преимуществ как организм для эксперимента — плодовитость, короткий цикл размножения, характерную морфологию, — никакими индивидуальными особенностями она не отличается. Мы держали одну из них как питомца в лабораторном инсектариуме, она имела собственный стеклянный сосуд с крошечным ковриком и кукольной мебелью, и мы заменяли ее в конце каждого жизненного цикла. Пол у плодовой мушки распознать непросто, и мы назвали его/ее Брюсом. Пусть это будет архетипическим примером юмора биохимиков.

Такие простенькие развлечения необходимы, потому что когда усыпляешь популяцию дрозофил, а затем изучаешь каждую мушку с помощью тонкой кисти и микроскопа, выискивая крошечные изменения в пигментации глаза или формы крыла, то, честно говоря, это отупляет. Так бывает, когда берешься складывать огромную головоломку. Поначалу ты думаешь: «Будет весело», включаешь радио, завариваешь чай, и только потом до тебя доходит, что перед тобой слишком много отдельных кусочков и почти все они — небо.

В общем, я слишком устал, чтобы идти на вечеринку к сестре в ту пятницу. И не просто устал — я был настроен подозрительно, и не без причин.

7. Сваха

Я с недоверием относился к ее стряпне, неизменно состоявшей из макарон и дешевого сыра с подгоревшей коркой, из-под которой выглядывал либо консервирован-

ный тунец, либо жирный фарш. Я с подозрением относился ко всем ее вечеринкам, в особенности к званым ужинам; они всегда казались мне безжалостными гладиаторскими боями, когда лавровые венки достаются самым остроумным, успешным и привлекательным, а вокруг валяются трупы поверженных, истекающих кровью неудачников. Стремление казаться лучше, чем ты есть, в таких обстоятельствах меня просто парализовывало и до сих пор парализует, тем не менее сестра вновь и вновь силком выталкивала меня на арену.

— Ди, ты не можешь просидеть дома до конца своей жизни.

— А я и не сижу, я редко здесь...

— Забьешься в свою нору, один как сыч.

— Это не так... Карен, я абсолютно счастлив, когда один.

— Нет, не счастлив! Не счастлив! Как ты можешь быть счастливым, Ди? Ты не счастлив! Не счастлив!

Она была права в том, что до того февральского вечера в моей жизни было не много радостей, мало причин устраивать фейерверки или боксировать воздух. Я нравился своим коллегам, они нравились мне, но чаще всего я прощался с охранником Стивом в субботний вечер и больше не открывал рта до утра в понедельник, когда здоровался с ним же. «Как прошли выходные, Дуглас?» — всегда интересовался он. «Прошли спокойно, Стив, очень спокойно». Однако работа приносила мне удовлетворение, раз в месяц я посещал паб, выпивал по кружечке с коллегами, и если временами у меня закрадывалось подозрение, что чего-то в моей жизни не хватает, то... Разве у других не так?

Только не у моей сестры. В свои двадцать с хвостиком Карен не отличалась разборчивостью в дружбе и водилась,

как говорили мои родители, с «художественным сбродом»: будущими актерами, драматургами и поэтами, музыкантами, танцорами, гламурной молодежью непрактичных профессий, которые засиживались допоздна, а днем проводили долгие часы за чашкой чая в эмоциональных дискуссиях. Жизнь для моей сестры представляла собой одно непрерывное объятие толпы, и ей, видимо, нравилось, непонятно почему, выставять меня перед своими молодыми друзьями. Она любила говорить, что я пропустил молодость и запрыгнул прямо в средний возраст, что мне исполнилось сорок три еще в утробе матери, но в одном она, наверное, была права: я так и не узнал, что значит быть молодым. Но тогда почему она так отчаянно старалась затащить меня к себе на вечеринку?

— Потому что там будут *девушки*...

— Девушки? Хм... Да, я что-то о них слышал.

— Особенно одна девушка...

— Да знаю я девушек, Карен. Я с ними встречался и разговаривал.

— Но не с такой, как она. Поверь мне.

Я вздохнул. По какой-то там причине «найти мне девушку» стало у Карен идеей фикс, и она добивалась своего с притягательным сочетанием снисходительности и принуждения.

— Ты что, хочешь навсегда остаться один? Да? Хочешь?

— Не имею ни малейшего желания.

— И где ты, Ди, собираешься с кем-нибудь познакомиться? В своем гардеробе? Под диваном? Или вырастить их в лаборатории?

— Я не хочу продолжать этот разговор.

— Я говорю так только потому, что *люблю* тебя! — Любовь была для Карен алиби на все случаи агрессивно-

го наступления. — Я оставлю для тебя место за столом, так что если не придешь, то испортишь весь вечер! — И с этими словами она повесила трубку.

8. Макаронная запеканка с тунцом

В результате тем же вечером в крошечной квартирке в Тутинге меня втолкнули за плечи в крошечную кухню, где за шаткими кóзлами, предназначенными для наклейки обоев, в тесноте разместились шестнадцать человек, а посреди этого импровизированного застолья теплилась, как метеорит, пресловутая макаронная запеканка, отдающая поджаренным кошачьим кормом.

— Внимание, все! Это мой любимый брат Дуглас. Будьте с ним помягче, он застенчивый! — Моя сестра ничего так не любила, как ткнуть пальцем в застенчивого человека и заорать во все горло: «ЗАСТЕНЧИВЫЙ!»

Привет, хай, хей, Дуглас, поздоровались мои соперники, после чего я с трудом втиснулся на крошечный складной стульчик между двумя гостями — волосатым красавцем в черных колготках и полосатом жилете и чрезвычайно привлекательной женщиной.

— Я Конни, — представилась она.

— Рад знакомству, Конни, — буркнул я.

Так мы и познакомились с моей женой.

Какое-то время мы сидели молча. Я раздумывал, не обратиться ли к ней с просьбой передать запеканку, но тогда придется есть, поэтому я спросил:

— Чем занимаешься, Конни?

— Хороший вопрос, — ответила она, хотя это было не так. — Наверное, можно сказать, что я художник. Во всяком случае, я изучала живопись, просто это звучит как-то претенциозно...

— Вовсе нет, — сказал я, а про себя подумал: «О боже, художник».

Прозвучи в ответ «клеточный биолог», меня было бы не остановить, но я редко встречаю таких людей и, во всяком случае, ни разу не встречал у моей сестры. *Художник*. Я не противник искусства, ни в коей мере, но ненавижу, когда чего-то не знаю.

— Ну и... акварель или масло?

Она рассмеялась:

— На самом деле не так все просто.

— Эй, я тоже своего рода художник! — подал голос красавец слева, оттеснив меня плечом. — Художник на трапеции!

После такого я замолчал надолго. Джейк, ворсистый мужчина в жилете и колготках, оказался цирковым артистом, любящим свою работу и себя. Да и разве мог я соревноваться с человеком, зарабатывавшим себе на жизнь тем, что спорил с законами гравитации? В общем, я сидел тихонько и наблюдал за ней краем глаза, делая следующие умозаключения.

9. Семь выводов насчет нее

1. У нее отличные волосы. Хорошо подстриженные, чистые, блестящие, неестественно черные, кончики прядей зачесаны на уши («кончики прядей» — так говорят?), обрамляя чудесное лицо. Описание стрижек не мой конек, не хватает запаса слов, и хотя ее прическу в стиле кинозвезд пятидесятых моя мать назвала бы «укладкой», она смотрелась вполне стильно и в то же время современно. «Стильно» — вы только послушайте меня! Как бы там ни было, садясь, я уловил запах шампуня и духов, но во-

все не потому, что обнюхал ей затылок на манер барсука, я не настолько глуп, а потому, что столик был действительно мал.

2. Конни умела слушать. Для моей сестры и ее друзей «беседовать» означало говорить по очереди, но Конни внимательно слушала нашего воздушного акробата, подперев щеку рукой, касаясь мизинцем краешка рта. Сдержанная, спокойная, умная. Она слушала сосредоточенно, но с долей критичности и несерьезности, так что невозможно было определить, считает она предмет разговора то ли достойным внимания, то ли смехотворным, и так оставалось всю нашу женатую жизнь.

3. Хотя я нашел ее прелестной, она не была самой привлекательной женщиной за столом. Я знаю, стало традицией при описании первой встречи с любимыми утверждать, что они излучали какой-то особый свет; «ее лицо сияло, освещая собой все вокруг» или «я не мог отвести от нее взгляд». В действительности я мог отвести взгляд и отводил, и, положив руку на сердце, скажу, что она была третьей по красоте среди собравшихся женщин. Моя сестра, с ее хваленой «неповторимой индивидуальностью», любила окружать себя чрезвычайно красивыми, «классными» людьми, но классность и доброта редко сочетаются, и тот факт, что эти люди часто оказывались ужасными, жестокими, претенциозными или идиотами, был, по мнению моей сестры, небольшой ценой за их отраженный свет. Так что, хотя в тот вечер меня окружало много привлекательных особ, я был очень рад, что сижу рядом с Конни, пусть с первого взгляда мне и не показалось, что она светится, сияет, люминесцирует и так далее.

4. У нее был очень приятный голос — тихий, чуть хрипловатый, с заметным лондонским акцентом. С годами она его потеряла, но в те дни определенно проглатыв-

вала согласные. Обычно это могло служить свидетельством социального происхождения, но только не в кругу моей сестры. Один из ее друзей-кокни говорил так, словно торговал моллюсками на рынке, тем не менее его отец был епископом Бата и Уэллса. В случае с Конни она задавала искренние, умные вопросы, но в них все равно чувствовалась ирония. «Клоуны и в жизни такие же смешные, как на арене?» — в таком духе. Она говорила с природной модуляцией комика, и у нее был дар смешить не улыбаясь, которому я всегда завидовал. В тех редких случаях, когда я на людях рассказываю анекдот, то гримасничаю, как напуганный шимпанзе, но Конни сохраняла и сохраняет постную мину. «Скажите, — говорила она с непроницаемым лицом, — когда вы летите по воздуху к своему партнеру, вам никогда не хочется в самую последнюю секунду сделать вот так...» — и тут она поднесла большой палец к носу и зашевелила остальными пальцами, и я подумал, что это просто здорово.

5. Она много пила, постоянно подливая в бокал, словно из опасения, что вино закончится. Алкоголь не оказывал на нее видимого эффекта, разве что придавал некую интенсивность в беседе, требовавшей сосредоточенности. Конни пила беззаботно, с этакой лихостью — мол, перепить каждого. Веселая девчонка.

6. Она была невероятно стильной. Одетая недорого, без показухи, но как-то очень *правильно*. Мода в те дни диктовала «мешковатость», поэтому собравшиеся за столом гости производили впечатление карапузов, напяливших на себя родительские футболки. Конни, наоборот, выглядела аккуратно и стильно в старых вещах (с тех пор я научился называть их «винтажными»), которые были подогнаны по фигуре и подчеркивали ее... простите, но иначе никак не скажешь... ее формы. Она была умна, ори-

гинальна, на голову выше толпы и старомодна, как персонаж из черно-белого кино. Зато я, когда оглядываюсь назад, понимаю, что не произвел вообще никакого впечатления. В то время мой гардероб отличался однообразной гаммой от серо-коричневого до серого — все цвета лишайника, — и могу поклясться, что из брюк преобладали хлопчатобумажные чинос. В общем, камуфляж сработал, потому что...

7. Эта женщина справа не проявила ко мне ни малейшего интереса.

10. Отважный мужчина на летающей трапеции

Да и с какой стати ей было его проявлять? Джейк, воздушный акробат, — человек, глядящий в лицо смерти, в то время как я почти все вечера гляжу на экран телевизора. И цирк, в котором он работал, был не какой-нибудь рядовой, а «панк»-цирк, один из цирков новой волны, в которых жонглируют бензопилами и без перерыва барабанят по нефтяным бочкам, установленным над огнем. Цирк теперь стал эротическим; танцующих слонов заменили обнаженными акробатками, непомерным насилием и, как пояснил Джейк, «некоего рода анархической постапокалиптической эстетикой в духе „Безумного Макса“».

— Ты хочешь сказать, что клоуны больше не ездят в автомобилях, у которых отваливаются колеса? — спросила Конни с каменным лицом.

— Нет! Да какое там, блин! Эти машины взрываются! На следующей неделе мы выступаем в Клэпхем-Коммон. Я достану вам обоим билеты, приходите.

— Ой, мы не вместе, — сказала она чересчур поспешно. — Мы только что познакомились.

— А! — кивнул Джейк, словно говоря «логично».

Наступила пауза, и, чтобы ее заполнить, я спросил:

— Скажи, пожалуйста, а тебе как воздушному акробату сложно получить приличную страховку на машину?

Иногда я произношу совершенно бессмысленные фразы. Возможно, я хотел пошутить. Возможно, я надеялся скопировать лаконичность Конни, подняв брови и криво улыбнувшись. Если так, то номер не прошел, потому что Конни не рассмеялась, а налила себе еще вина.

— Нет, потому что я им об этом не говорю, — ответил Джейк с хвастливым вызовом, что у него получилось очень по-анархистски, но в то же время с предостережением.

Развернув разговор в русло бонусов по страховке, я принялся раскладывать по тарелкам макаронную запеканку с тунцом, ошпарив тыльную сторону ладони Конни жирными нитками расплавленного чеддера, горячего, как лава, и, пока она отлепляла их от руки, Джейк возобновил свой монолог, наклоняясь через меня за бутылкой. Если я когда и думал о воздушных акробатах, то воображение всегда рисовало гладкого широкоплечего типа, похожего на Берта Ланкастера, напомаженного и в трико. Джейк был дикий человек, с густым волосяным покровом цвета баскетбольного мяча, но все равно безоговорочно красивым: мужественное лицо, кельтская татуировка вокруг бицепса, спутанная рыжая грива волос, собранных в пучок грязной резинкой. Когда он говорил — а говорил он много, — глаза его горели, он смотрел на Конни сквозь меня, так что я был вынужден смириться с бессовестным соблазнением. Растерявшись, я потянулся к простецкому салату,

щедро сдобренному солодовым уксусом и растительным маслом, — моя сестра обладала редким кулинарным даром, благодаря которому даже обыкновенный листовой салат отдавал у нее чипсами из пакета.

— Тот момент, когда ты находишься в воздухе, — рассказывал Джейк, протягивая руки к потолку, — когда ты падаешь, но почти летишь, ничто с ним не сравнится. Ты стараешься задержать его, но он... быстротечен. Все равно что стараться удержать оргазм. Вам знакомо это чувство?

— Знакомо ли оно мне? — невозмутимо повторила Конни. — Да я его испытываю прямо сейчас.

Это заставило меня громко расхохотаться, но я перехватил злобный взгляд Джейка и живенько начал предлагать острый салат:

— Кому салат «Айсберг»? Кто хочет «Айсберг»?

11. Химикаты

Макаронная запеканка с тунцом легла в желудок как кусок горячей глины, а монолог Джейка продолжался и за сладким — нелепым десертом, состоявшим из пропитанного хересом бисквита, на который выдавили столько сливок из баллончика и украсили сверху таким количеством цветного драже и мармелада, что вполне бы хватило на диабет второго типа. Конни и Джейк к этому времени уже перегибались через меня, феромоны между ними так и клубились, а эротическое силовое поле отодвигало мой стульчик все дальше и дальше от шаткого стола, пока в конце концов я не оказался практически в коридоре среди велосипедов и стопок «Желтых страниц». В какой-то момент

Конни, должно быть, это заметила, потому что повернулась ко мне и спросила:

— А ты чем занимаешься, Даниель?

Что ж, с именем она почти угадала.

— Я ученый.

— Да, твоя сестра мне рассказывала. Доктор наук. В какой области?

— Биохимия, но в настоящий момент я изучаю дрозофилу, плодовую мушку.

— Расскажи.

— Рассказать?

— Ну да, — сказала она. — Если это не государственная тайна.

— Нет, конечно, просто люди обычно не интересуются подробностями. Даже не знаю, как мне... Ладно, мы используем различные химикаты, чтобы понять генетическую мутацию...

Джейк громко застонал, а я почувствовал, что моей щеки что-то коснулось, когда он потянулся за вином. Некоторые при слове «ученый» представляют сумасшедшего с дикими глазами или лизоблюда в белом воротничке, работающего на какую-то фанатичную организацию, статиста из фильма о Джеймсе Бонде. Во всяком случае, именно такими считал ученых Джейк.

— Мутацию?! — возмутился он. — Зачем подвергать мутации плодовую мушку? Оставьте беднягу в покое.

— Но в мутации, по сути, нет ничего неестественного. Это всего лишь еще один термин для эволю...

— Мне кажется неправильным вмешиваться в природу. — Теперь он обращался ко всему столу. — Пестициды, фунгициды — все это зло.

В качестве гипотезы вряд ли сойдет.

— Не уверен, что химическое соединение само по себе является злом. Его могут использовать безответственно или глупо, и, как ни печально, так иногда прои...

— У одной моей знакомой есть участок в Сток-Ньюингтоне, она использует одну органику, и продукты у нее прекрасные, просто прекрасные...

— Уверен, это так, но не думаю, что в Сток-Ньюингтоне случаются нашествия саранчи, или ежегодные засухи, или истощение почвы...

— Морковка должна иметь вкус морковки! — выкрикнул он туманный *non sequitur*¹.

— Простите, я не совсем...

— Химикаты. Во всем виноваты химикаты!

Еще один *non sequitur*.

— Но... химикаты повсюду. Морковь сама по себе состоит из химикатов, салат тоже химикаты. Особенно этот. Ты, Джейк, состоишь из химикатов.

Джейк оскорбился.

— Ничего подобного! — выкрикнул он, а Конни расхохоталась.

— Прости, но это так, — сказал я. — В тебе шесть основных элементов, шестьдесят пять процентов кислорода, восемнадцать процентов углерода, десять процентов...

— А все оттого, что люди пытаются выращивать клубнику в пустыне. Если бы мы все употребляли местные продукты, выращенные естественным путем, без всяких этих химикатов...

— Звучит прекрасно, но если в почве не хватает основных питательных веществ, если ваша семья голодает из-за тли или грибка, то в таком случае вы должны быть благодарны некоторым из этих злостных химикатов.

1 Неверный вывод, нелогичное умозаключение (*лат.*).

Не помню, что я еще говорил. Я страстно относился к своей работе, чувствуя, что она приносит пользу. Помимо моего тогдашнего идеализма, свою роль, должно быть, сыграла и ревность. К тому же я немного перебрал с вином, а после того, как целый вечер ко мне относились то снисходительно, то вообще не замечали, я не проникая теплыми чувствами к своему сопернику, примкнувшему к школе тех, кто считал, что проблемы болезней и голода можно решить с помощью рок-концертов.

— В мире хватит еды на всех, просто она находится не в тех руках.

— Да, но наука в этом не виновата! Это политика, экономика! Наука не отвечает за засуху, голод или эпидемии, но они происходят, тут-то и необходимы научные исследования. Мы отвечаем за то, чтобы...

— Дать нам больше ДДТ? Больше талидомида?¹ — Этот последний удар, видимо, доставил Джейку огромное удовольствие, и он широко улыбнулся своей аудитории в восторге, что несчастья других снабдили его весомым аргументом в споре.

То были ужасные трагедии, но произошли они, насколько я помню, не по моей вине или по вине моих коллег, все из которых были ответственные, гуманные, достойные люди, соблюдавшие этику и нормы социального поведения. Кроме того, те примеры были аномалиями по сравнению со всеми замечательными преимуществами,

1 *Талидомид* — седативное снотворное лекарственное средство, получившее широкую известность из-за своей тератогенности после того, как было установлено, что в период с 1956 по 1962 год в ряде стран мира родилось, по разным подсчетам, от 8000 до 12 000 детей с врожденными уродствами, обусловленными тем, что матери принимали препараты талидомида во время беременности.

которые даровала нам наука, поэтому я очень четко себе представил, как вишу под куполом шапито и самозабвенно перепиливаю веревку перочинным ножом.

— Что бы случилось, — принялся размышлять я вслух, — если бы ты упал со своей трапеции, боже упаси, переломал себе ноги, после чего началось бы общее заражение? Я спрашиваю, потому что в такой ситуации, Джейк, я бы очень хотел стоять рядом с твоей кроватью с антибиотиками и анальгетиками, до которых ты не мог бы дотянуться, и приговаривать: я знаю, тебе больно, но я не могу дать тебе лекарство, к сожалению, потому как, видишь ли, это все химикаты, созданные учеными, и как мне ни жаль, но придется ампутировать тебе обе ноги. Без анестезии!

12. Молчание

Я засомневался, не перегнул ли палку. В надежде произвести впечатление страстного человека я, видимо, повел себя как душевнобольной. В моих словах была злоба, а кому понравится на званом вечере неприкрытая злоба — конечно, никому, и, уж конечно, не моей сестре, которая сердито уставилась на меня, не замечая, что с ее сервировочной ложки капает заварной крем.

— Ладно, Дуглас, будем надеяться, что до этого не дойдет, — пробормотала она. — Кому еще десерта?

Но что самое печальное, я выставил себя в самом невыгодном свете перед Конни. Мы хоть и обменялись всего парой слов, мне эта женщина очень понравилась, и я хотел произвести хорошее впечатление. С неким трепетом я взглянул направо от себя и увидел, что она так и сидит, подперев подбородок рукой, с совершенно невозмутимым,